

ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ДИНАМИКЕ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ РЕЧИ

Цель статьи – теоретически обосновать факт обусловленности системы речевых жанров со стороны модуса употребления языка, присущего той или иной культуре. Автор доказывает, что единственной функцией языка является коммуникативная, которая осуществляется в виде набора своих частных реализаций, образующих названный модус. Они представляют собой конкретные цели (интенции, иллокуции) коммуникации, и их соотношение в культуре определяет контуры свойственной ей системы речевых жанров.

Ключевые слова: коммуникация; функция языка; иллокуция; речевой жанр.

Система речевых жанров, свойственная той или иной культуре, во многом обусловлена тем, как и для чего в этой культуре употребляется язык. Жанровая система эволюционирует прежде всего под непосредственным влиянием культурно-идеологических и цивилизационно-технических факторов. Вместе с тем, определяя характер употребления языка и модель речевого поведения, свойственные данной культуре, эти факторы оказывают и опосредованное воздействие на систему. Таким образом, развитие последней происходит вследствие комплекса причин, исходной из которых является постоянная динамика названных условий социального и индивидуального бытия человека. В настоящей статье мы попытаемся проследить одно из направлений рассматриваемой детерминации, а именно влияние модуса функционирования языка на характер системы речевых жанров. Заметим, что модусом употребления языка мы называем принятую в культуре систему способов использования последнего. Цель предпринимаемого анализа состоит в том, чтобы дать теоретическое обоснование динамической связи, которая существует между специфическим для данной культуры функционированием языка и присущей ей иерархией речевых жанров.

1. Решение поставленной задачи осложняется наличием многообразием трактовок понятия «функция языка», в силу чего между известными моделями систем языковых функций наблюдаются принципиальные расхождения. Поэтому представляется необходимым сделать несколько уточнений, проясняющих ту интерпретацию указанного понятия, адекватность которой мы будем обосновывать в этой работе. Прежде всего отметим, что речь, главным образом, пойдет о функциях языка в его целом, а не отдельных лингвистических единиц. Функционирование элементов будет интересовать нас лишь в той мере, в какой оно проливает свет на использование языка как такового. Функции языка проявляются в тех целях, или назначениях, с которыми он употребляется в культуре. Точнее, именно цель «задает» способ: то, для чего люди используют язык, определяет то, как они делают это. С утверждаемой нами позиции телеологизма, к функциям языка не относятся такие традиционно выделяемые дефиниции, как аккумуляция и структуризация в сознании знаний, сохранение и трансляция культуры, социализация личности или, пользуясь термином Г. Гийома, «гоминизация» человека. Названные и подобные им явления относятся не к функциям, а к эффектам, следствиям функционирования языка. В них определяются не цели и способы употребления языка, но то, что происходит в этом процессе. Для сравнения, назначение молотка – забивать

гвозди. Если в процессе его использования у плотника развивается мускулатура, из этого нельзя делать вывод о функциональном тождестве молотка и, скажем, атлетического тренажера.

Кроме того, развиваемый взгляд лишает основания известное противопоставление функций языка и речи. Коль скоро речь является не чем иным, как формой реализации языка, то противопоставление их функций не имеет смысла: каждая функция языка есть функция речи и наоборот. Проще говоря, речь – это и есть назначение языка. Отложив на время проблему «внутренней речи», можно согласиться с мнением Д.Х. Хаймса: «Все функции, включая и референциальную, начинают действовать только на уровне высказывания; вне высказывания нет никаких функций» [1. С. 69].

2. Сделанное уточнение лишь ненамного приблизило нас к искомой понятийной ясности. Ограничившись рамками телеологического понимания функции языка, мы по-прежнему остаемся перед проблемой плюрализма подходов, классификаций, моделей. Одни из них имеют бессистемный характер, другие с той или иной степенью последовательности строятся на определенном основополагающем принципе. Единство природы языка предполагает взаимную обусловленность, системность его функций. Поэтому их адекватное постижение невозможно вне системного подхода. Наш анализ коснется самых распространенных системных моделей, по отношению к которым все остальные классификации могут рассматриваться *mutatis mutandis* как их вариации, комбинации, дополнения.

2.1. Первая из этих моделей была разработана К. Бюлером и развита впоследствии Р. Якобсоном. В ее основе лежит принцип соответствия языковых функций универсальной структуре речевой ситуации. По мнению К. Бюлера, в любом высказывании осуществляются три функции, координирующие с тремя главными компонентами коммуникативной ситуации. В отношении субъекта речи реализуется экспрессивная функция, в отношении адресата и предмета сообщения – апеллирующая и репрезентативная соответственно [2. С. 34]. В зависимости от специфики конкретного высказывания эти функции образуют в нем определенную иерархию: «Мы имеем дело с явлениями доминантности, в которых на первый план выступает то одна, то другая из трех основных функций звукового языка» [2. С. 37]. Доминирующей для большинства коммуникативных актов является, по Бюлеру, репрезентативная функция [2. С. 36, 30].

Приняв исходный принцип рассматриваемой модели, Р. Якобсон выделил в структуре речевой ситуации

дополнительные конститутивные компоненты и коррелирующие с ними назначения языка. Помимо функций, описанных его австрийским предшественником, Якобсон различал фатическую (отвечает за поддержание контакта в процессе общения), метаязыковую (направлена на проверку тождественности языкового кода, используемого общающимися) и поэтическую функции [3. С. 200–202]. Вслед за Бюлером он также утверждал иерархическую системность функций, реализующихся в конкретных коммуникативных актах [3. С. 198].

Ключевой чертой модели Бюлера–Якобсона является, с нашей точки зрения, ее подчеркнута интегративно-иерархический характер. Можно спорить о статусе фатической или метаязыковой функции, но очевидно, что, по крайней мере, три базовых функций, одинаково признаваемые обоими исследователями, образуют неразделимое единство. Они могут рассматриваться как аспекты одного интегративного назначения, выступающего по отношению к ним в роли метафункции. Ни Бюлер, ни Якобсон не дали эксплицитного определения последней, хотя оба выводили свою модель из структуры речевой ситуации, ориентируясь на акт коммуникативного употребления языка. Признавая вместе с Бюлером примат репрезентативного («референтивного», «денотативного», «когнитивного») аспекта в коммуникативном использовании языка, Якобсон сближал его с коммуникативной функцией как таковой, вводя ее, таким образом, в число прочих аспектных функций [3. С. 203]. Мы считаем, что принцип иерархической системности не выдержан в этой модели с достаточной последовательностью. Выделенные учеными конститутивные функции являются аспектами единого – коммуникативного – назначения языка. Поэтому коммуникативная функция является не одной из всех, пусть даже центральной, первой среди равных, но исходной, первичной по отношению к остальным функциям. Репрезентация, апелляция, экспрессия могут реализовываться исключительно в акте коммуникации как отдельные его характеристики, доминирующие или периферийные для него.

2.2. Другим, едва ли не самым распространенным представлением системы языковых функций является бинарная модель, согласно которой языку свойственны два конститутивных назначения: с одной стороны, он обеспечивает коммуникацию, с другой – служит инструментом и выражением деятельности сознания. Каждая из названных целей реализуется в системе своих аспектов, являющихся по отношению к ним вторичными, подчиненными функциями. К частным проявлениям коммуникативной функции сторонники этой модели обычно относят контактоустанавливающий, конативный, волюнтаривный, информативный и другие аспекты. Во втором – когнитивном, или, в других терминах, экспрессивном, идеационном, репрезентативном, – назначении языка выделяют план предикации, денотации (номинации), референции, оценки и т.д. [4. С. 564–565].

Анализ этой модели также начнем с выяснения основополагающего для нее принципа. Следует заметить, что он не существует в виде четкой, эксплицитной формулировки. Дело в том, что две названные функции языка не выводятся дедуктивно в этой модели: их наличие постулируется как аксиома. Таким образом, дан-

ный принцип состоит в очевидности проявления целей использования языка. Центральная роль языка в когнитивной и коммуникации действительно несомненна. Проблемным для рассматриваемой модели является вопрос о соотношении этих процессов. Утверждая равенство и конечную самостоятельность двух базовых функций языка, сторонники данного подхода оказываются перед необходимостью найти очевидные подтверждения использования языка в двух указанных направлениях. Поскольку ясно, что коммуникация невозможна вне когнитивной, по отношению к которой она является собой конечную цель, суть проблемы сводится к поиску свидетельств некоммуникативного употребления языка. В качестве такого свидетельства неизменно указывают на феномен внутренней речи, в которой, по мнению этих ученых, «осуществляется особая, экспрессивная функция, не связанная непосредственно с коммуникацией» [5. С. 34]. Однако мышление, в меру своей сознательности, представляет собой первую ступень в процессе объективации содержания сознания. Эта ступень существует постольку, поскольку за ней всегда предполагается следующая, последняя: естественное, воплощенное высказывание. Заметим: предполагается, но не всегда применяется. Процесс мышления вербализируется в той степени, в какой он ориентирован вовне, на Другого. Именно необходимость языковой объективации данных сознания для сообщения их окружающим сформировала феномен внутренней речи [6. С. 356]. Таким образом, когнитивная функция языка является производной, причинно-зависимой от коммуникативной. Примат последней определяется не частотностью употребления языка ради коммуникации, а тем исключительным значением, которое имеет речевое общение для жизни и сущности человека. Вспомним утверждение, сделанное вначале: вне коммуникации, вне речи язык не употребляется; прямо или косвенно его использование всегда обращено во внешний мир, к другому сознанию. Искусственные же «высказывания, образованные не с целью коммуникации», по справедливому утверждению А. Мартине, представляют собой не более чем «кальки с обычных высказываний, образуемых при общении, и не содержат ничего нового по сравнению с этими последними» [7. С. 535].

2.3. Анализируя бинарную модель, мы вновь, хотя на этот раз с другой стороны, пришли к обоснованию коммуникативного назначения языка как единственной его метафункции. И сейчас настало время рассмотреть еще один подход к осмыслению функциональной стороны языка – подход, именуемый монофункционализмом. В основе монофункциональной модели лежит принцип, согласно которому единство языковой природы должно проявляться в наличии абсолютного ее предназначения, по отношению к которому все реально существующие способы употребления языка могут рассматриваться как его аспекты, частные реализации. В свете предшествующего рассуждения очевидно, что таким предназначением является обеспечение коммуникации.

Признаваемая многими, эта идея очень редко получает должное развитие, так что часто мы имеем дело с «завуалированным монофункционализмом» [8. С. 38]. Так, фигурально-вежливо, Д.Н. Богушевич определил

то, что, по сути, является следствием теоретической недоработки. Для концепций такого рода характерно помещение коммуникативного предназначения языка в один ряд с другими функциями: экспрессивной, конструктивной, поэтической и т.д. При этом утверждается, что образуемую на основе такого равноправия систему «можно представить себе как единую функцию, имеющую четыре (у разных авторов количество варьируется. – А.К.) неразрывные стороны» [9. С. 359]. В то же время содержание этой метафункции остается необъясненным, хотя, как известно, только в контексте целого адекватно постигается значение аспектов. Легко заметить, что описываемому «уравниванию в правах» неизбежно сопутствует редуccionистское истолкование коммуникации. Исследователи, рассматривающие коммуникативную функцию как одну из прочих, исходят из ее неоправданно суженных определений. Одни видят ее задачу в «регуляции поведения» (А.А. Леонтьев) или «организации деятельности» (Д.Г. Богусевич). Другие трактуют ее как функцию «обеспечения взаимопонимания между людьми» (А. Мартине) или, проще, «передачи мысли» (В.А. Аврорин). Третьи сближают ее с референцией – способностью языка выражать информацию о мире (Р.О. Якобсон). Приведенные дефиниции по-своему верны, но неполны. Если конечным назначением языка является обеспечение коммуникации, то в чем тогда состоит предельная цель последней? Кажется, не будет ошибкой сказать, что эта цель – в самой коммуникации. Человек, по слову Аристотеля, – общественное животное. Потребность в общении, отзывчивость, в широком смысле этого слова, образуют фундамент нашей природы. Коммуникативный процесс, в который вовлечены люди, народы, настоящие и прошлые цивилизации, создает специфически-человеческую среду – *Lebenswelt*, культуру, в которой только и может сформироваться общество, а значит, существовать личность.

Правильно понятый монофункционализм представляет собой модель, построенную в соответствии со строго выдержанным принципом иерархической системности. В ее основании лежит факт, что вне коммуникации не существует каких-либо способов естественного употребления языка. Поэтому его единственной, абсолютной функцией является коммуникативная. Наличное многообразие целей, с которыми язык используется в жизни, представляет собой систему вариантов осуществления этой функции. По мнению Р.В. Пазухина, все аспекты реализации коммуникативного назначения языка делятся на два типа. Одни из них – «субфункции» – представляют собой механизмы, обеспечивающие работу метафункции языка [10. С. 43]. К ним, на наш взгляд, уместно отнести традиционно выделяемые составляющие когнитивной функции: номинацию, денотацию, предикацию и др. В очерченном выше смысле эти явления не могут быть названы функциями: они суть то, что происходит, когда мы употребляем язык, а не то, зачем мы его употребляем. Другие аспекты – «эпифункции» – являются способами «употребления языка в конкретных ситуациях» [10]. В силу того что речевых ситуаций разного типа бесчисленное множество и состав их постоянно обновляется (вспомним здесь хотя бы те возможности, которые воз-

никли с изобретением телефона, компьютера, интернета), мы считаем, что будет логичным определять эпифункции как частные коммуникативные назначения, реализуемые в конкретных высказываниях. Если коммуникация есть назначение языка в целом, тогда то, ради чего люди вступают в речевое взаимодействие в каждом отдельном случае и чего они хотят достичь осуществлением своего высказывания, составляет сущность эпифункций. В них в виде конкретных речевых намерений, интенций воплощается и осуществляется коммуникативная функция языка. Следует отметить при этом, что, в отличие от речевых ситуаций, интенции говорящих лучше поддаются классификации благодаря относительной универсальности, типичности и корреляции с определенными языковыми и речевыми единицами.

3. Стремясь к более точному анализу языкового функционирования, сосредоточим внимание на многообразии целей и способов употребления языка в коммуникации. Одним из «краеугольных камней» современной прагматики является тезис о том, что в каждом речевом акте одновременно осуществляется несколько интенций, объединяемых понятием иллокутивной силы высказывания. Они образуют иерархическую систему, в которой доминирует, как правило, одна интенция, являющая собой иллокутивную цель речевого акта. В свою очередь, речевые акты образуют ту первичную коммуникативную данность, с которой мы непосредственно имеем дело в речевом взаимодействии, а именно речевой жанр, оформляющий то или иное речевое событие. Если жанр состоит из более чем одного речевого акта, его характер определяется главным из них и, точнее, его иллокутивной целью. Как утверждает Цв. Тодоров, речевые жанры развиваются из актов, «именно речевой акт лежит в основании жанров» (цит. по: [11. С. 14]). Подобную модель: иллокутивный компонент (-ы) – речевой акт – речевой жанр разрабатывает А. Вежбицка [12. С. 109] и другие исследователи [13. С. 137–152].

Рассматриваемая идея иерархической системности эпифункций языка берет свое начало в концепции К. Бюлера. Как было показано в п.2.1. Бюлер признавал синхронную представленность в каждом акте речи трех интенций, связанных с адресантом, адресатом и предметом сообщения. Экспрессия, апелляция и репрезентация образуют, по мысли этого ученого, иерархическое единство, соотношение частей которого зависит от особенностей отдельного высказывания. Нетрудно заметить, что современная типология коммуникативных намерений по-прежнему располагается в плоскости, заданной тремя описанными Бюлером векторами.

3.1. Из всех существующих версий рассматриваемой типологии наиболее убедительными нам представляются те, что восходят к классификации иллокутивных актов Дж. Серля. По мнению этого философа, существует всего пять типов основных иллокутивных целей, отождествляемых нами с эпифункциями языка: «Мы сообщаем другим, каково положение вещей (*representatives*); мы пытаемся заставить других совершить нечто (*directives*); мы берем на себя обязательство совершить нечто (*commisives*); мы выражаем свои чувства и отношения (*expressives*); наконец, мы с помощью

высказываний вносим изменения в существующий мир (declaratives)» [14. С. 253]. В концепции типов речевого воздействия Л.П. Федоровой класс волеизъявлений распадается на два подтипа: акции (приказ, призыв, просьба) и реакции (согласие, несогласие, запрет, разрешение) [15. С. 48]. Очевидно, что реакции не относятся к директивам. Одни из них, такие как согласие, тяготеют к экспрессивам, другие: запрет, разрешение – являются декларативами. Расширение выделенного Серлем класса директивов до типа волеизъявления происходит, таким образом, за счет сужения класса экспрессивов и декларативов. Л.П. Федорова ограничивает первый актами непосредственного оценочного и эмоционального воздействия, а ко второму относит «ритуальные формы речевого поведения» наподобие поздравления и прощания [15]. При этом в рассматриваемой типологии, а также в практически совпадающем с ней списке коммуникативных целей Т.В. Шмелевой отсутствует разграничение между комиссивами и декларативами. Образующий ими единый класс в концепции Федоровой именуется «социальным воздействием» [15], а в модели Т.В. Шмелевой – «этикетным» типом [16. С. 91]. С представленными вариантами типологии речевых интенций отчасти пересекается классификация коммуникативных регистров речи, представленная авторами «Коммуникативной грамматики». Ее особенностью является расщепление информативного, или репрезентативного, по Серлю, типа на три самостоятельных класса, различающихся по характеру передаваемой в высказывании информации: репродуктивный, информативный, генеритивный. Помимо них, выделяются директивы («волеизъявительный» тип) и экспрессивы («реактивный» тип), но полностью отсутствуют декларативный класс [17. С. 33]. Различия в описанных выше моделях свидетельствуют о приближенности нашего представления тех целей, которые достигаются говорящими в коммуникативном процессе. Эта приближенность обусловлена известной неточностью, размытостью иллюкутивной характеристики, свойственной природе речи как таковой. Но сколько и какие эпифункции не выделялись бы у языка, ясно одно: любое высказывание обладает сложной интенциональной структурой. Осуществляемые в нем коммуникативные намерения организуются в виде иерархической системы: одни (одно) из них являются доминантными, другие отступают на периферию. При этом все интенции, возникая из осознания коммуникантом речевой ситуации в ее целом, тяготеют к определенным ее компонентам: к субъекту речи – экспрессивы, адресату – директивы, субъекту и адресату в их взаимосвязи – декларативы, комиссивы, предмету сообщения – репрезентативы.

3.2. За пределами рассмотренных классификаций осталась интенция, сопряженная с еще одним конститутивным аспектом речевой ситуации – языком, «кодом», по Якобсону. Она образует так называемую поэтическую, или эстетическую, функцию языка. На наш взгляд, есть все основания для того, чтобы определить ее как эпифункцию – одну из граней реализации коммуникативного назначения языка. Помимо того *что* сказать, субъект речи всегда принужден решать и то, *как* сказать. Его речевой замысел распространяется не

только на выработку содержания, но и на создание формы сообщения. Первое, собственно, и не может происходить вне, помимо второго. Осознанное, целенаправленное мышление является обязательно вербальным в той или иной мере. Забота о форме, степень сознательности ее выбора или создания может быть различной, но никогда – нулевой. В этом смысле поэтичность свойственна речи как таковой: всякое высказывание обладает этим качеством. Особого «поэтического языка», отделенного от общепотребительного, не существует. Точнее, его нет в нашей и других известных нам современных культурах. В то же время следует заметить, что, как и в случае с любой эпифункцией, направленная на форму интенция может занимать в конкретных высказываниях различное положение. В обыденной речи современного человека она, как правило, сдвинута на задний план. С другой стороны, в нашей культуре существует коммуникативная область – художественная литература, в которой она играет доминирующую роль. *Как* сказать в изящной словесности является не менее, а то и более значимым, чем *что* сказать. Но даже находясь на вершине интенциональной иерархии (например, в произведениях формалистов), поэтическая эпифункция не элиминирует иных интенций, ориентирующих высказывание в направлении адресата, предмета сообщения и прочих компонентов речевой ситуации [3. С. 202, 221]. Как писал В.В. Виноградов, «поэтическая функция опирается на коммуникативную, исходит из нее», отличаясь от прочих способов осуществления последней «максимальным и целесообразным использованием всех качеств языка и речи... в эстетическом аспекте» [18. С. 155, 207]. В результате такого употребления языка речевое произведение становится замкнутым на самом себе, самодостаточным в смысле меньшей, в сравнении с другими фактами речи, зависимости от конситуации. Однако не стоит абсолютизировать значение этого качества. При всей автономности поэтического высказывания его ценность все же заключена не в нем самом – она определяется силой эстетического переживания, которое испытывает воспринимающий его человек. Каждое речевое действие обращено вовне, к Другому. В силу существенной своей автономности по отношению к коммуникативному контексту художественное творение оказывается сугубо зависимым от одного из компонентов речевой ситуации – адресата.

4. Теперь, рассмотрев, насколько возможно, природу языка в функциональном плане, мы можем приступить к анализу главного вопроса нашего исследования: как и почему изменение модуса употребления языка в той или иной культуре вызывает трансформацию жанровой системы речи?

4.1. Жанры могут возникать и исчезать из системы под влиянием культурно-идеологических и цивилизационно-технических факторов. Эти факторы обуславливают жанровую систему непосредственно, а также через посредство определяемого ими модуса использования языка, характерного для данной культуры. Вместе с тем, будучи устойчивой, рассматриваемая система испытывает не столько «внешние» (вхождение/исхождение жанров), сколько «внутренние» изменения, связанные с перемещением жанров в ее преде-

лах от центра до периферии. Изменение степени активности жанра, как правило, сопровождается его качественной мутацией, которая проявляется в двух основных формах. Во-первых, жанр, сохраняясь формально, может менять типичную для него иллокутивную цель. Если жанр состоит не из одного речевого акта, то при такой трансформации роль главного, образующего его акта, скорее всего, перейдет к другой речевой единице. К примеру, церковная анафема, имея своим истоком архаическое проклятие, по сути, оставалась им на протяжении всего Средневековья. Но к настоящему времени ее генеральная интенция превратилась из декларатива (перформатива) в репрезентатив (констатив): по утверждению ведущих православных богословов, назначение анафемы состоит в констатации уже совершившегося факта отпадения человека от Церкви [19. С. 295, 313]. Во-вторых, при сохранении неизменной иллокутивной цели может меняться соотношение других интенций, образующих иллокутивную силу жанра. В этом случае, если жанр включает в себя более чем один речевой акт, образующая его речевая единица останется той же, но, вероятно, претерпит изменение коммуникативная значимость других актов, вплоть до их «выпадения» из структуры жанра. Скажем, благословение, практиковавшееся в традиционном обществе, имело в своей интенциональной структуре специфический аспект – апелляцию к высшим силам. Смысл этого иллокутивного акта состоял в том, что без такого обращения не могло исполниться пожелание, составлявшее главное назначение благословения. Желая благ ближнему, человек знал, что даны они могут быть, в конце концов, только свыше. Утратив этот прагматический компонент, настоящий жанр уподобился торжественному пожеланию, совпадающему с ним по иллокутивной цели. В этом качестве благословение до сих пор используется, в частности, в американской речи [20. С. 470].

Еще одной демонстрацией подвижности интенциональной структуры жанров может служить возрастание и, напротив, убывание роли в коммуникации эстетического аспекта. Так, в эстетически чуткие эпохи моральная, религиозная, политическая или какая-либо иная значимость высказывания часто проявлялась в его особой поэтической форме. В этом секрет притягательности народных пословиц, ветхозаветных псалмов или средневекового эпоса. В архаическом обществе в стихи облекались мифы, законы, политические документы и другие, на наш сегодняшний вкус, совершенно прозаические вещи. «Напряжением» поэтической эпифункции, по нашему мнению, сопровождалось доминирование коммуникативных интенций, ориентированных на адресата, – апелляции, по К. Бюлеру. Цель придания текстам такого рода особой эффектной формы заключалась в усилении их воздействия на слушателя. Установка на Другого дисциплинирует говорящих, понуждая их к поиску лучшего варианта выражения своей мысли. Напротив, свойственное современности господство интенций, связанных с субъективностью адресанта, примат самовыражения за счет принижения значимости Другого привели к тому, что даже поэзия стала страдать, по выражению И. Бродского, «недомоганием формы». В описываемой взаимозависимости эпифункций проявляется их системный характер.

4.2. Вызываемое сдвигами в жизни и мировоззрении людей изменение модуса употребления языка лучше всего обнаруживается в динамике жанровой системы речи. Но изменение активности жанров, мутация их иллокутивной структуры является отнюдь не первым и не непосредственным следствием трансформации модуса языкового функционирования. Прежде всего, на наш взгляд, рассматриваемая трансформация проявляется на более глобальном и общем уровне, а именно в смещении коммуникационного процесса в сторону одного из двух полюсов, в пределах которых он осуществляется. Достигая фатического полюса, этот процесс оказывается замкнутым на самом себе: люди вступают и поддерживают общение ради самого общения. В противоположность фатическому, информативный способ организации коммуникации предполагает в качестве ее движущей силы получение и передачу информации. В этой точке речевое взаимодействие оправдано в той мере, насколько его участникам удастся генерировать и приобретать новую, ценную для них информацию; значимость дискурса определяется содержательной ценностью заключенных в нем сообщений [21. С. 5–6]. При этом важно, что названные способы использования языка находятся в отношении взаимной дополнительности: ни один из них не может обходиться без другого. Всякий информативный дискурс обычно содержит фатические компоненты, в любом случае он немаловажен без поддержания контакта между общающимися. С другой стороны, каждое высказывание информативно. Поэтому любое высказывание можно рассматривать в обоих аспектах: в информативном – с точки зрения содержащихся в нем сведений и в фатическом – с точки зрения его потенциалов к развитию в последующей речи. Фатическим или информативным является не отдельная речевая единица, а характер дискурса, в который она входит. Любой фатический дискурс строится из информативных высказываний, претерпевающих в нем определенные функциональные изменения. Суть последних состоит в том, что иллокутивные цели используемых единиц отходят в них на второй план, стираются в дискурсе, подчиняясь общей задаче фатического общения – создавать и поддерживать контакт. Как заметила Т.Г. Винокур, для речи этого типа «характерно опосредованное выражение генеральной интенции через частную интенцию, выражаемую содержанием продуцируемого высказывания» [21. С. 12].

В разные культурные эпохи наблюдается тяготение коммуникации к одному из рассмотренных способов языкового функционирования. Доминируя на своем этапе истории, каждый из них активизировал соответствующую ему систему речевых жанров. Так, фатический характер архаической и средневековой речевой культуры ярче всего проявлялся в многочисленных и порой сложных по смыслу и совершению ритуалах, текстах гимнов и молитв, заклинательных формулах и девизах. Напротив, в Новое время, с присущим ему культом знания, главную роль стали играть информативные жанры, складывавшиеся по мере развития науки. Их доминированию в европейской культуре способствовало развитие национальных литературных языков, вытеснявших латынь и церковнославянский, и, что важнее, технический прогресс, приведший к появлению книгопечатания и, в частности, газетных СМИ.

4.3. Вместе с образованием форм, специфических для того или иного полюса, динамика коммуникации

может проявляться в соответствующей мутации жанров. Причем, как кажется, их качественное изменение реализуется, главным образом, в одном направлении: при смещении коммуникационного процесса в сторону фатики. Фатическая речь может «поглощать» информативные жанры, в то время как информативное употребление языка обычно осуществляется в рамках специально выработанных для него форм. Причину описываемой необратимости мы видим в фатической сущности коммуникации. Как было уже сказано, конечное назначение речевого общения – в нем самом. Для того чтобы жить, мы не нуждаемся в получении бесконечно обновляемой информации. Гораздо важнее для жизни – быть в общении. Достойно удивления колоссальное несоответствие, существующее между содержательной ничтожностью нашей повседневной речи и ее жизненной необходимостью для нас. Таким образом, доминируя по природе, фатический полюс «тянет» к себе всю коммуникацию, и потому фатическая речь как таковая требует меньше усилий. Санки могут сами скатиться с горки, но не захватить на нее. Для того чтобы преодолеть описываемое тяготение, информативный дискурс должен быть четко ориентирован на свою цель, что проявляется в жесткости его устройства. Заданность его структуры снижает ментальное напряжение, требующееся для продуцирования нового знания. Лучшей иллюстрацией этой идеи служит крайняя регламентированность научной речи. Переход информативных дискурсов в фатические неизбежно сопровождается трансформацией их жанровой формы, а значит, и смещением иллокутивных компонентов. Так, к примеру, типичное назначение информативного жанра дискуссии состоит в совместном разрешении некоего вопроса. Итогом ее должно явиться формулирование определенного представления, адекватного той проблемной ситуации, которая вызвала осуществление данного дискурса. Соответственно, иллокутивная цель дискуссии ориентирована в первую очередь на предмет речи. Перед нами, как сказал бы К. Бюлер, форма преимущественно репрезентативного использования языка. Несомненно, что ток-шоу, транслируемые сегодня по телевидению, имеют в своей жанровой основе дискуссию. Однако их прагматическая направленность в корне отлична от свойственной ей. По тому, как мало беспокоит героев этих программ поиск лучшего решения, как часто, увлекаясь своими признаниями и выяснением отношений, они уходят от темы, можно заключить о мутации дискуссии в ток-шоу. Последнее представляет собой фатический жанр, иллокутивное назначение которого связано прежде всего с субъектом речи (экспрессия) и адресатом (апелляция, чаще всего проявляющаяся в виде негативного воздействия). Поэтому прагматическая успешность ток-шоу определяется не выработкой наиболее адекватного представления, а степенью самораскрытия и взаимного воздействия героев. В отличие от дискуссии, ток-шоу можно уподобить стриптизу и боксу.

4.4. Переход информативных жанров в качестве фатических проявляется в трансформации их прагматической структуры. Рассматриваемые по отдельности, образующие их акты могут сохранять прежнюю иллокутивную цель и иерархию интенций – главное свойство

фатики в том и состоит, чтобы подчинять иллокуцию конкретных высказываний общему назначению фатической речи: продлевать общение ради самого общения. При фатическом использовании языка иллокуция и содержание высказывания в целом не отменяются, а как бы гасятся и отходят на второй план. При этом надо заметить, что информативные дискурсы не в одинаковой мере подвержены «фатизации». Степень этой подверженности зависит от характера информативной значимости жанра, которая, в свою очередь, обусловлена его иллокутивной целью.

Развивая сделанное замечание, следует вспомнить известное разделение речевых актов, проведенное Дж. Остином. В соответствии с ним информативная значимость высказывания может возникать либо по причине ценности выражаемого в нем сообщения (эта ценность определяется, как правило, адекватностью его содержания реальности), либо в силу тех последствий, которые предполагаются самим фактом его совершения. В первом случае мы имеем дело с констативами, иллокуции которых «в качестве части своей иллокутивной цели имеют стремление сделать так, чтобы слова (а точнее – пропозициональное содержание речи) соответствовали миру» [22. С. 231]. В другом – с перформативами, прагматическая направленность которых связана с целью сделать так, чтобы мир соответствовал словам [22]. Подобно противопоставлению информатики и фатики, разделение высказываний по описываемому критерию имеет условный характер. В каждом высказывании – это виртуозно показал Остин – содержится как констативный, так и перформативный аспект. Разница между двумя типами речевых актов не охватывает их всецело, а затрагивает характер их иллокутивных целей. Так, в перформативе «Предупреждаю, что бык собирается броситься» содержание диктумной части вполне поддается проверке по критерию ложности/истинности, свойственному констативам. В то же время эксплицитный или подразумеваемый модус в констативах может определяться по перформативному критерию успешности/неуспешности [22. С. 55–56]. К примеру, на высказывание «Я утверждаю, что Петр вернулся» можно отреагировать: «Нет, так не утверждают. Слишком много сомнения в твоём голосе». Только в зависимости от специфики иллокутивной цели мы можем говорить о тяготении речевого акта к тому или другому типу. В свою очередь, акт обуславливает характер речевого жанра, в структуре которого он занимает центральное место. Такие иллокутивные единицы, как комиссив (я обещаю, что X), декларатив (я объявляю, что X) и императив (я приказываю, чтобы X) ориентируются на осуществление по преимуществу перформативного высказывания, в то время как репрезентатив и экспрессив связаны, главным образом, с осуществлением констативного акта.

Информативные жанры, иллокутивной доминантой которых являются единицы перформативного типа, в меньшей степени подвержены растворению в фатической речи, чем те, у которых вершину интенциональной иерархии занимают констативные акты. Причины этого достаточно очевидны. Перформативы «противопоказаны» фатической речи в силу своей серьезности. Это качество присуще им вследствие той ответствен-

ности, которую принимает на себя человек, осуществляющий речевой акт такого рода. Так, обещая, я беру на себя обязанность «впоследствии... совершить нечто» [22. С. 49], а приказывая или разрешая сделать что-то другим, я разделяю с ними ответственность за это совершение. По самому определению перформатив предполагает переключение внимания коммуникантов с речи на реальность, лежащую вне ее; он всегда интегрирован в неречевой контекст. Напротив, констативы могут непрерывно описывать действительность, бесконечно приближаясь или, наоборот, эмансипируясь от нее и подменяя ее собой. Эта особенность одинаково свойственна и науке, и мифу. Содержание констатива может полностью выражаться в том, что говорится. Поэтому, совершая такой акт, «мы абстрагируемся от иллокутивного аспекта речи и концентрируемся на локутивном», а в случае с перформативом – наоборот [22. С. 121]. Но подобное отвлечение от иллокутивных целей конкретных высказываний, как было показано выше, характерно для фатического использования языка. Таким образом, очевидно, что констативные акты в определенном плане лучше соответствуют природе фатики, чем перформативы. Последние представляют собой скорее поступки, совершаемые посредством речи, чем собственно речь. Поэтому чтобы растворить их в себе, фатика должна изменить их сущность, превратив из поступков в не более чем слова, из «я обещаю» – в «я говорю, что обещаю». При этом, однако, не стоит забывать о разнокачественности фатической речи. Существуют фатические перформативные дискурсы. Таковы, например, многие древние и современные ритуалы: инициация, присяга, венчание и т.д. Рассматривая процесс поглощения перформативов фатикой, мы подразумеваем под последней, главным образом, праздноречевую речь. Ее доминирование в современной культуре влияет, впрочем, и на указанные случаи «серьезных» фатических жанров: оно ставит их под угрозу, как несовместимых с праздноречевой стихией. Растворяясь в ней, перформатив теряет свою связующую власть над людьми. Его иллокутивный план скрывается за локутивным. Он подвергается нивелировке и мутации: комиссив, декларатив или директив, выступавшие в высказывании как его иллокутивные цели, обычно заменяются репрезентативом; прагматическая формула перформатива: «Я совершаю определенный поступок» трансформируется в «Я описываю совершение мной определенного поступка». Соответственно, реакция адресата должна быть направлена теперь не на поступок, а на его описание (ср.: Обещаю быть верным тебе до гроба. – О, какое благородное обещание. Так обещают только герои романтических книг). Но чтобы описываться, поступки должны совершаться. Иначе говоря, должны существовать сферы серьезного употребления языка, находящиеся вне влияния праздноречевой стихии: шуточная клятва может быть дана только тем, кто имеет представление о клятве подлинной.

Поглощение перформативов праздноречевой фатикой вызывает их изменение, в результате чего они в своей иллокуции уподобляются констативам. Однако будет ошибкой считать, что исключительным назначением констативов является образование фатической

речи. Они более соответствуют ее природе, что проявляется в способности констативов образовывать непрерывно-бесконечный дискурс, отрывать от описываемой реальности, подменять ее собой. Наконец, в сравнении с перформативами, их совершение требует меньшего духовного напряжения, что говорит об их большей естественности для человеческой речи, фатической в своих последних пределах. Вместе с тем констативы могут лежать в основе информативных дискурсов – таких, к примеру, как рассказ очевидца о происшествии или описание научной экспедиции. Более того, можно утверждать, что радикальное забвение перформативных жанров, происшедшее в европейской культуре Нового времени, было во многом обусловлено смещением коммуникационного процесса к информативному полюсу. Наука – главенствующая форма мировоззрения эпохи Просвещения – по сути своей является описанием. Научный дискурс, считавшийся наиболее авторитетным в той культуре, был и остается исключительно дескриптивным. Естественно, что в условиях его абсолютного доминирования перформативным жанрам было отказано в праве – если не на существование, то, по крайней мере, на значительную роль в культуре. Этот культурно-исторический факт проясняет причины господства «репрезентативной» (по Бюлеру) или «дескриптивной» (по Попперу) функции языка, утверждавшегося европейской мыслью двух последних веков [23. С. 458]. Но, как и любое описание, дискурс науки в принципе бесконечен. По мере эмансипации наука стала превращаться в замкнутую модель, все более отдаляющуюся от реальной действительности [24. С. 13].

В заключение подведем основные итоги исследования.

Единственной функцией языка является коммуникативная. В процессе речи она осуществляется в виде системы своих частных реализаций – эпифункций. В соответствии с общим понятием языковой функции последние следует определять и различать по тем конкретным целям, или, иначе, интенциям, с которыми люди участвуют в речевом взаимодействии.

Занимая вершинное положение в этой структуре, или, что то же самое, выступая в роли иллокутивной цели речевого акта, эпифункция определяет характер этого акта, а он, в свою очередь, «задает» прагматическую направленность того речевого жанра, в котором играет центральную, основополагающую роль.

Изменение модуса употребления языка наиболее очевидно проявляется в трансформации жанровой системы речи в целом и прагматического устройства отдельных жанров в частности. Трансформации может подвергаться иллокутивная цель жанра с подчиненными ей интенциями или только эти интенции, которые могут утрачиваться, заменяться на новые, сдвигаться в своей иерархии.

В зависимости от типичных для культуры способов использования языка, образующих модус его употребления, происходит тяготение коммуникации к фатическому, или информативному, полюсу. Направленность и сила этой тенденции проявляется в преобладании соответствующих жанров, а также в возможном переходе информативных форм в фатические (при смещении коммуникации в сторону фатики).

Обуславливая жанровую систему речи, указанные явления дают возможность судить о характере и соотношении эпифункций в коммуникационном процессе. Доминирование фатического начала проявляется в активизации интенций, связанных по преимуществу с субъектом и адресатом высказывания; при усилении информативного аспекта на первый план выдвигаются интенции, ориентированные на предмет сообщения.

Зависимость жанровой системы от модуса употребления языка, принятого в культуре, проявляется также

в соотношении перформативных и констативных жанров. Преобладание первых свидетельствует об активности интенций, направленных на субъект и адресата сообщения: декларатива, комиссива и директива, по классификации Дж. Серля. Господство констативов указывает на центральное положение коммуникативных целей, сопряженных с предметом речи: репрезентатива и экспрессива. В последнем случае в качестве предмета речи выступает внутреннее состояние говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. 7. С. 42–95.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000.
3. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
4. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
5. Онтология языка как общественного явления. М.: Наука, 1983.
6. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. С. 349–486.
7. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1963. Вып. 3. С. 356–366.
8. Богушевич Д.Г. Единича, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. Минск: Высшая школа, 1985.
9. Аворин В.А. Функции языка // Современные проблемы литературоведения и языкознания. М.: Наука, 1974. С. 353–361.
10. Пазухин. Язык, функция, коммуникация // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 42–50.
11. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 12–22.
12. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1997. С. 99–111.
13. Hatch E. Discourse and language education. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
14. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика II. М.: Прогресс, 1999. С. 229–253.
15. Федорова Л.П. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–51.
16. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1997. С. 89–98.
17. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998.
18. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Наука, 1963.
19. Что такое анафема. М.: ДАРЬ, 2006.
20. Bruder K.A. A pragmatics for human relationship with the divine: An examination of monastic blessing sequence // Journal of Pragmatics 29 (1998). P. 463–491.
21. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993.
22. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.
23. Поннер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
24. Налимов В.В. Требования к изменению образа науки // Проблема знания в истории науки и культуры. СПб.: Алетейя; М.: Институт истории естествознания и техники Российской академии наук, 2001. С. 6–27.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 марта 2009 г.